

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.014;316.752

З. В. Сикевич

ПАРАДОКСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ*

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Статья посвящена обсуждению результатов социологического исследования, посвященного влиянию исторических представлений петербуржцев на систему социальных ожиданий. В частности, выявлена связь содержания исторических образов с факторами возраста и уровня образования, а также парадоксальность исторических представлений, обусловленная внутренней противоречивостью национального самосознания. Библиогр. 7 назв. Табл. 4.

Ключевые слова: историческое представление, исторический образ, национальное самосознание, групповое сознание, этническая идентичность, этническая консолидация, квотная выборка.

PARADOXES OF HISTORICAL REPRESENTATIONS OF PEOPLE OF ST. PETERSBURG

Z. V. Sikevich

The article discusses the results of a study on the impact of historical representations on the system of social expectations. In particular, it found a link between the content of historical images and age and level of education of respondents. Also found paradoxical notions arising from internal contradictions of national identity. Refs 7. Tables 4.

Keywords: historical image, national identity, ethnic identity, ethnic consolidation, quota selection.

Известно, что историческая память составляет важную опору этнической идентичности, а ее позитивная или негативная направленность в немалой степени зависит от тех исторических образов, которые закрепляются в групповом сознании каждого последующего поколения [1].

Не случайно поэтому, что образованные после распада СССР национальные государства уделяют столь пристальное внимание интерпретации национальной истории, особенно тому ее образу, который транслируется со страниц школьных учебников [2]. Ведь именно в детстве история своего народа, преподнесенная должным образом, формирует чувства патриотизма и национальной гордости.

Особенное значение имеют исторические образы и примеры во времена кризисов и трансформаций, которые расшатывают психологическую устойчивость людей, систему устоявшихся ценностей. А именно такими были десятилетия после распада Советского Союза во всех 15 бывших союзных республиках.

* Исследование проводилось при финансовой поддержке РГНФ (грант N 13-03-005710)

Сегодня, как представляется, именно история выполняет своего рода «защитную» функцию, не только сохраняющую позитивную этническую идентичность на групповом уровне, но и способствующую формированию национального, гражданского самосознания.

Судя по данным наших исследований [3], значение исторической памяти как одного из консолидирующих признаков этнической группы в полной мере осознается ее членами. Так, отвечая на вопрос: «Что, по вашему мнению, делает нас русскими?» (2011 г., Санкт-Петербург, выборка квотная по полу, возрасту и уровню образования), участники опроса отнесли историческую память к числу доминирующих признаков консолидации наряду с языком и родной природой (4,5–4,4 балла из 5 возможных). Характерно, что такие признаки объединения, как национальное государство, образ жизни и религия, играют, по их мнению, относительно меньшую роль (соответственно 3,9 балла, 3,7 балла и 3,6 балла).

Вместе с тем, спустя 3 года, в 2014 г. опрошенные петербуржцы признались в том, что знают историю России лишь на «тройку» (средний балл оценки — 3,1). Причем образ отечественной истории складывается в их сознании, прежде всего, за счет школьных учебников (57,4%), художественной литературы, кино и телесериалов (соответственно 47,7% и 44,6%)¹. Поэтому можно ли удивляться, что их исторические представления, как мы увидим, носят поверхностный и внутренне противоречивый характер.

Исследование, о котором идет речь ниже и результаты которого были уже частично опубликованы [4], проводилось в 2013–2014 гг. Лабораторией этнической социологии и психологии НИИКСИ СПбГУ. Опрошено 458 петербуржцев. Выборка квотная по полу (43,1% мужчин и 56,9% женщин) и возрасту (18–29 лет — 23,2%; 30–39 лет — 16,1%; 40–49 лет — 17,0%; 50–59 лет — 20,3%; 60 лет и старше — 23,4%), по уровню образования: среднее — 18,1%; среднее профессиональное — 28,9%; неполное высшее — 19,9%; высшее — 33,1%.

В исследовании наряду с традиционными для социологии полузакрытыми вопросами-меню использовались и специальные методы. В частности, проективные ситуации и ассоциативный метод (метод свободных характеристик), который предполагает выявление определенного континуума образов, проявляющихся на уровне социальной рефлексии, и, таким образом, становится эмпирической экстраполяцией положений этнометодологии и символического подхода в целом [5–7].

Чему нас учит история

Существует мнение, что «история нас учит». Какой же период российской истории, независимо от оценки — положительной или отрицательной, участники опроса сочли наиболее поучительным для современного российского общества?

Вопрос носил открытый характер, ответы были суммированы по эпохам (до-революционный период, период советской власти и период после распада СССР) посредством процедуры контент-анализа. Связанный с ним вопрос закрытого типа выяснял мотивацию выбора в качестве «поучительного» того или иного исторического события. Совокупные данные представлены в табл. 1.

¹ Число процентов превышает 100, так как респонденты могли называть более одного источника информации.

Таблица 1. Общая оценка исторического события (%)

Оценка «поучительного» исторического события	До 1917 г.	1917–1991 гг.	С 1991 г.
В этот период Россия была наиболее сильной, другие страны должны были с ней считаться	30,0	30,9	9,0
В этот период Россия была наиболее слабой, другие страны сумели этим воспользоваться	10,0	8,8	25,9
Тогда жизнь была наиболее нестабильной и непредсказуемой	10,8	16,9	28,1
Тогда жизнь была наиболее стабильной и предсказуемой	5,4	10,7	10,0
Россия была ближе всего к Европе по своим ценностям и образу жизни	10,0	3,0	7,1
Россия жила «своим умом», не перенимая чужие ценности и образ жизни	14,5	25,1	3,9
Мне просто нравится эта эпоха, я был бы не прочь в ней пожить	19,3	4,6	16,0
ИТОГО	100,0	100,0	100,0

Как видно, и это в определенном смысле парадоксально, участники опроса в своих оценках находят больше сходства между Российской империей и СССР, а не империей и современной Россией, несмотря на то что постсоветская идеология, в особенности с начала XXI в., стремится утвердить в сознании российских граждан многие символы и ценности дореволюционной эпохи.

Империя «царская» и империя «советская» в равной степени (30% респондентов) были сильны и с этим вынуждены были считаться другие страны. Напротив, современная Россия — слаба, чем ее соседи не замедлили воспользоваться (25%).

Примечательно, что в этой оценке мнения молодежи, представителей зрелых поколений и пенсионеров практически не расходятся (дореволюционная Россия по критерию «силы» — соответственно 34,2%, 26,6% и 25,0%; СССР по критерию «силы» — 33,6%, 27,4% и 35,6%). Почти столь же единодушны представители трех возрастных групп и в отношении «слабости» современного Российского государства (соответственно 27,5%, 35,4% и 37,1%)

Обратимся к тем конкретным историческим событиям, которые наиболее убедительно, по мнению участников опроса, демонстрируют «силу» и «слабость» нашего государства (табл. 2).

В дореволюционное время «сила» государства чаще всего приписывается Петровской эпохе, эпохе Екатерины II, Отечественной войне с Наполеоном и имперскому времени в целом.

В советскую эпоху «сила», по мнению респондентов, отличала весь период существования СССР, период Великой Отечественной войны и период правления Сталина, причем последний отрезок времени назывался исключительно молодежью.

Слабой Россия стала после «распада СССР», «при Горбачеве», «в годы перестройки», «в 90-е» (в целом 47,8% респондентов). События последнего десятилетия не упоминаются вовсе, возможно, потому, что еще не воспринимаются в качестве событий «исторических».

Таблица 2. Оценка отдельных эпох и исторических событий (%)

Периоды	Россия была наиболее сильной	Россия была наиболее слабой	Жизнь наиболее нестабильная	Жизнь наиболее стабильная	Россия была ближе к Европе	Россия жила своим умом	Просто нравится эта эпоха
Петровская эпоха	27,3	9,1	9,1	3,0	18,2	12,1	21,2
Российская империя	27,2	4,5	9,9	11,4	1,5	18,3	27,2
Революция	4,2	23,0	39,4	8,4	2,1	20,8	2,1
СССР	40,3	2,8	5,6	19,0	0,9	29,6	1,8
ВОВ	50,0	7,5	11,2	1,3	1,3	27,4	1,3
Перестройка		47,8	47,0	2,2	2,2		
Наше время	10,0	3,3	23,3		6,6	13,2	43,6

Наиболее нестабильной и непредсказуемой была жизнь также в годы перестройки и после распада СССР. Об этом говорит почти половина участников опроса, причем независимо от возрастного фактора.

В советскую эпоху Россия жила «своим умом», не перенимая чужие ценности и образ жизни. Так считает каждый четвертый участник опроса, в том числе 23,8% молодых людей, 22,6% респондентов средней возрастной группы и 31,7% пенсионеров.

Критерий «ближе всего к Европе», как видно по данным табл. 1, в качестве мотива выбора той или иной эпохи упоминается относительно реже других мотивов. На наш взгляд, это косвенное свидетельство того, что «оглядка на Европу» для участников опроса почти не существенна, в отличие от критерия жизни «своим умом», который, судя по конкретным ответам, вызывает одобрение.

Парадоксальным наряду с декларируемым сходством Российской империи и СССР является тот факт, что в целом при положительном восприятии советской эпохи менее 5% участников опроса хотели бы там пожить (4,5% молодых людей, 4,2% представителей средней возрастной группы и 5,2% пенсионеров).

Перенестись, хотя бы временно, в дореволюционную Россию хотело бы относительно большее число участников опроса (каждый пятый по всему массиву и каждый четвертый из числа молодых респондентов).

Еще один парадокс: почти половина опрошенных (главным образом, молодежь) довольна, что живет в наше время, им «просто нравится эта эпоха», несмотря на то что, как уже говорилось, и жизнь «нестабильна», и государство «слабое» (см. табл. 2).

Невозможно перечислить все суждения участников опроса относительно наиболее поучительного события отечественной истории (ответили на открытый вопрос 91,7% респондентов), именно поэтому пришлось прибегнуть к определенной формализации и суммированию сходных ответов, представленных в табл. 1 и 2.

Что, на наш взгляд, важнее всего, если иметь в виду конкретику индивидуальных мнений?

- Большинство ответов, несмотря на четкую формулировку вопроса («поучительное событие»), называли не событие, а эпоху, целый исторический период (например, «Россия до революции», «период Российской империи», «XIX в.», «эпоха правления Екатерины» или «все советское время», «наша страна при Сталине» и т. п.).

Исключение составили Великая Отечественная война, революция и в качестве единичных суждений — Крещение Руси, война с Наполеоном, восстание декабристов, завоевание Кавказа, присоединение Крыма, Олимпиада в Сочи (менее 10 человек).

Думается, что в этом выборе отражается, во-первых, специфика восприятия исторического процесса непрофессиональными историками, во-вторых, просто неважное знание истории за счет слабого уровня исторического образования в школе. Не случайно сами участники опроса самокритично оценивают свои знания отечественной истории на «тройку».

- Наблюдается деидеологизация восприятия исторического процесса по сравнению с периодом девяностых годов. Идентичный вопрос задавался нами почти 20 лет назад (1996 г., Санкт-Петербург, 512 человек, выборка — квотная по полу и возрасту). Тогда, наряду со сходной тенденцией предпочтения выбора эпох, в числе ответов относительно часто фигурировали «сталинские репрессии», «ГУЛАГ», «снятие “железного занавеса”» и т. п. В этот раз все оценки носили нейтральный, «аполитичный» характер, что, на наш взгляд, отражает изменения в мировосприятии большинства людей.
- Несмотря на формулировку вопроса, в которой указывалось, что в качестве поучительного можно назвать событие, вызывающее не только положительную, но и отрицательную оценку, в 64,7% ответов указывались эпохи или события, в которых Россия была сильной, жила «своим умом» и развивалась стабильно и предсказуемо. Таким образом, по мнению большинства респондентов, на ошибках «не учатся», поучительны только «победы» и достижения.

На наш взгляд, это интересный факт, который характеризует не только и даже не столько особенности восприятия исторического процесса, но и социально-психологическую направленность национального самосознания в целом. С одной стороны, это как будто и неплохо — оптимистическая «картина мира» способствует позитивной этнической идентичности, но, с другой стороны, игнорирование «провальных» для устойчивого развития периодов, стремление, образно говоря, стереть их из памяти многократно увеличивает вероятность их повторения в будущем.

История не терпит сослагательного наклонения

Тем не менее представим себе на время, что это не так. С целью выяснения отношения респондентов к наиболее дискуссионным оценкам «ключевых» для отечественной истории событий участникам опроса были предложены вопросы, сформулированные в форме прямой или скрытой проекции.

Первым «поворотным» событием в истории России, а не только Древнерусского государства, стало, безусловно, «Крещение Руси». Насколько бы изменилась (или — нет) история России, если бы князь Владимир, решив приобщить Русь

к единобожию, принял западную, а не византийскую модель христианства? Было ли это решение просто культурным артефактом смены язычества монотеистической религией или цивилизационным выбором? Каждый четвертый участник опроса уклонился от определенного ответа, больше половины (53,9% респондентов) полагают, что в этом случае история России пошла бы по-другому. По мнению 40,9% опрошенных петербуржцев, у русских было бы другое мировосприятие и характер, каждый третий (33,8%) полагает, что Россия стала бы частью «западного мира», несмотря на то что большая часть ее находится в Азии. Другие варианты последствий выбора в пользу римско-католического обряда петербуржцы сочли маловероятными («Россия не стала бы великой державой» — 14,3%; была бы «успешнее в экономическом развитии» — 7,1%; не осталась бы «один на один» с монголо-татарским нашествием — 3,9%)².

Очевидно, что, по мнению большинства респондентов, выбор религии стал выбором «Пути» как вектора дальнейшего социо-культурного развития.

Вместе с тем, по данным того же исследования, религия не относится к числу существенных признаков приобщения человека к жизни своего народа (среднее значение 5,0 по шкале, где 1 — больше всего, а 7 — меньше всего) и занимает *последнее* место по значимости в ряду иных признаков. Достаточно сравнить это значение с оценками других составляющих идентичности (образ жизни, менталитет — 3,1; «родная земля», природа — 3,3; язык — 3,4; история и традиции — по 4,1; государство — 4,9).

Еще один парадокс? В известной степени, да. Несомненно, то, что участниками опроса православие воспринимается не столько как религиозное вероучение, «восточный» обряд христианства, сколько основа национального менталитета, то есть ценностно-мотивационное ядро социального развития.

В этом противоречии, кстати, причина столь различных данных об уровне религиозности русских. Ведь для немалого числа людей принадлежность к православию — это не столько вера, заключенная в рамки определенного ритуала, сколько обязательный компонент «русскости», в которой традиционная обрядовая культура играет далеко не главную роль.

Примечательно, что половозрастная принадлежность практически не влияет на выбор того или иного ответа (различие не превышает 3%), и поэтому именно такое восприятие «Крещения Руси» и ранжирования признаков этнической консолидации можно считать доминирующей ориентацией не только исторического, но и в целом национального самосознания.

По-иному выглядит оценка и восприятие революции, Гражданской войны и периода советской власти. В этом случае принадлежность к определенной возрастной когорте становится определяющим фактором.

Насколько Октябрь и последующие 70 лет советской власти были благом или трагедией для России? Участникам опроса было предложено оценить этот период по 5-балльной шкале, имея в виду, что 5 — безусловное благо, а 1 — безусловная трагедия. Средняя оценка составила 2,3 балла, то есть общее мнение участников опроса склоняется в пользу преимущественно негативной оценки советской эпохи и ее отправной точки — Октябрьской революции 1917 г. Наиболее категоричны в сво-

² Число процентов превышает 100, так как респонденты могли указывать более одного ответа из числа предложенных.

ем отрицания молодые люди (1,4 балла), почти такая же позиция у респондентов «средних» возрастов (2,2 балла), взвешенная оценка отличает старшее поколение, условно говоря, советских людей, современников оцениваемой эпохи (3,5 балла).

Конечно, различие оценок этого периода представителями разных поколений — результат частичного пересмотра советской истории, изменившихся акцентов в школьных учебниках, в целом государственной идеологии. Вместе с тем мы сталкиваемся с еще одним парадоксом восприятия и оценки исторического прошлого.

Именно молодые люди чаще других положительно оценивают эпоху правления Сталина, называя его в ответах на открытый вопрос «эффективным руководителем», «собирателем государства», «Петром I двадцатого века». Такие дифирамбы плохо согласуются с уверенностью в том, что период советской власти был трагедией для России.

В этом контексте показательны и распределения в ответах на проективную ситуацию относительно гипотетической позиции респондента в годы Гражданской войны. С некоторым перевесом предпочтение было отдано проигравшей стороне («белых» бы поддержали 31,8%, «красных» — 24,3%). Однако почти половина (43,9%) постаралась бы остаться в стороне. Причем в ряду сторонников «невмешательства» доминируют как раз молодые сторонники народной мудрости «Моя хата с краю...» — 53,8%.

Итак, революция и советская эпоха — это трагедия, хотя во время Гражданской войны респонденты предпочли бы следить за развитием событий со стороны или выступили бы на стороне «белых», а Сталин тем не менее — «великий руководитель».

«Сочетание не сочетаемого» в пределах системы ценностей одного и того же человека (а это, как показал дополнительный анализ, примерно каждый 7-й респондент по всей выборке и каждый 4-й — в возрастной группе 18–30-летних) — это признак «разорванного сознания», о котором мы писали еще в 1996 г. Тогда референты этой внутренней противоречивости были несколько иными, однако сам факт парадоксальности системы предпочтений остался неизменным.

Как можно объяснить этот феномен? Если вынести за скобки ценностные «колебания» в преподнесении национальной истории, прежде всего советского периода, то мы сталкиваемся с парадоксальностью национального самосознания в целом, внутри которого, частью — на неосознаваемом уровне, конкурируют, «тесня» друг друга, три слоя ценностей, стереотипов и стандартов. Слой, условно говоря, «этнического» — это традиции, обычаи и оценки, впитываемые с детства в ходе семейной и институциональной социализации; слой «советского», который по мере ухода из жизни поколений советских людей сегодня все более мифологизируется, и наконец, слой постсоветской «картины мира», которая сама по себе внутренне противоречива, ибо государственная идеология 90-х заметно отличается от той системы ценностей, которую сегодня транслируют политики и СМИ.

Единственный период советской истории, который не подвергся «коррекции» со стороны современных идеологов, — это Великая Отечественная война и оценка ее результатов. Этот факт подтверждают данные и нашего исследования.

Так, 63,6% (среди молодых людей — 60,2%) не согласны с переименованием Великой Отечественной войны во Вторую мировую войну. Противоположного мне-

ния придерживаются 17,2% (среди молодых — 18,4%), каждому пятому участнику (19,2%) то, как будет называться эта война, — безразлично («мне все равно»).

На наш взгляд, распределения говорят сами за себя, особенно с учетом того, что политические аналитики и журналисты все чаще стали, вслед за европейцами, пользоваться нейтральным определением этой войны как «Второй мировой».

Относительно устойчивы оказались опрошенные петербуржцы и к внушаемой либеральными источниками информации оценке территориальных «приращений» СССР по результатам войны (табл. 3).

Таблица 3. Согласие с мнением об оккупации СССР ряда регионов в период с 1939 по 1945 г. (%)

Государство (регион)	Да	Нет
Ингерманландия (регион от Сестрорецка до современной границы с Финляндией)	30,8	69,2
Прибалтика	33,8	66,2
Западная Украина	24,4	75,6
Бессарабия (западная часть Молдавии)	22,0	78,0
Восточная Пруссия (современная Калининградская обл.)	26,3	73,8

Во всех случаях группа «несогласных» с подобной оценкой превышает число сторонников такой трактовки результатов войны с нацистской Германией. Тем не менее обращает внимание то, что число респондентов, разделяющих официальную точку зрения в отношении Западной Украины, Бессарабии и Восточной Пруссии, несколько выше (три четверти опрошенных), чем в отношении Ингерманландии и Прибалтики (в среднем две трети респондентов).

Результаты выборочного устного опроса примерно каждого десятого респондента о мотивах его оценки довольно противоречивы. В отношении Западной Украины чаще всего звучало мнение о том, что «это всегда была наша земля», а Бессарабии — «они сами к нам присоединились еще при Петре». По поводу Калининградской области, соглашаясь с тем, что до войны этот регион был частью Германии, присоединение Восточной Пруссии трактовалось участниками опроса как компенсация за ущерб, нанесенный фашистами СССР. Наиболее эрудированные отмечали, что часть Пруссии «мы подарили Польше и Литве».

Что же касается Прибалтики, то в этом случае европейская позиция о «советской оккупации балтийских государств» оказалась относительно более востребованной, прежде всего, респондентами с высшим образованием, в числе которых почти половина (42,1%) считает, что Эстония, Латвия и Литва действительно в годы советской власти подверглись насильственному присоединению к Советскому Союзу.

Важно подчеркнуть, что в этом случае возрастной фактор практически не повлиял на выбор того или иного варианта ответа. Значимым оказался только уровень образования. Можно предположить, что эта когорта образованных участников опроса чаще обращается за информацией к российским либеральным СМИ и, доверяя им, склонна транслировать «оппозиционную» точку зрения.

Уровень образования, а также возраст респондента, как оказалось, обуславливают выбор позиции и в случае участия с позиций сегодняшнего дня в гипотетическом референдуме о сохранении СССР и присоединении Крыма (табл. 4).

Таблица 4. Позиция на референдуме (%)

Голосование	О сохранении СССР	О присоединении Крыма
«За»	65,3	68,5
«Против»	20,7	13,7
От голосования бы воздержался	14,0	17,8

По данным табл. 4, распределение позиций по обоим референдумам, в особенности по ответу «да», почти совпадает. Однако противников сохранения СССР несколько больше, чем противников присоединения Крыма. Можно предположить, что определенное значение при оценке имеет временная дистанция от события до времени проведения опроса (2014 г.). Если в отношении Крыма, несмотря на последствия санкций, патриотическая эйфория сохраняется, то не столько даже время (24 года), прошедшее со времени Беловежских соглашений, сколько политические процессы в бывших союзных республиках, в частности рост национализма, каждого пятого заставил усомниться в возможности и целесообразности сохранения Советского Союза.

В первом референдуме на выбор ответа сильнее влияет возраст: если в ряду представителей поколения советских людей за сохранение СССР проголосовало бы подавляющее число пенсионеров (78,9%), то среди молодых людей — едва больше половины (52,9%). Сдержаннее относятся к перспективе сохранения Союзного государства и участники опроса с высшим образованием («за» — 60,2%).

В референдуме о присоединении Крыма позицию респондента заметно обуславливает только уровень образования (лица с высшим образованием: «за» — 61,7%), в то время как представители разных поколений в своих оценках единодушны и различия между ними не превышают 2%.

Позиция образованных людей, как и в случае трактовки присоединения различных регионов по результатам победоносной войны, в известной мере обусловлена степенью распространения либеральных взглядов. Немалая часть именно этой социальной группы, в частности в Петербурге, разделяет точку зрения несистемной оппозиции, полагающей территориальную целостность Украины не подлежащей никакому пересмотру, а результаты референдума как высшей формы проявления прямой демократии — несущественными.

Результаты исследования, часть которых представлена в этой статье, в целом показали, что внутренняя противоречивость, парадоксальность исторических представлений россиян (на примере петербуржцев) обусловлена не столько слабым уровнем исторического знания, которое, бесспорно, проявляется в отдельных суждениях и интерпретациях, сколько противоречивостью национального самосознания в целом.

На уровне и группового, и индивидуально-личностного сознания ведется скрытая, чаще всего неосознаваемая человеком, борьба, с одной стороны, культурной традиции, а с другой — советских и постсоветских предпочтений и стереотипов. Оказалось, что советская система ценностей, в известной мере наследующая традиционную для русских «картину мира», в частности приоритет коллективного над частным, равенства над свободой, воспроизводится и в сознании «постсовет-

ских» поколений, а семейная социализация, основанная на традиции, оказывается действеннее институционального воспитания. Отсюда, в частности, стремление «жить своим умом», гордиться не экономической успешностью, а «силой» своего государства, игнорировать ошибки и даже преступления, совершенные предшественниками.

Бесспорно, гордость за деяния своих предков укрепляет национальное самосознание, но только в том случае, если мифологизация прошлого не затмевает трезвый взгляд на нынешнюю и предстоящую реальность.

Литература

1. Гриффин Л. Историческая социология. Нарратив и событийно-структурный анализ // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 131–141.
2. Сикевич З. В. Этнические парадоксы глобального общества. Прага: О. Krylov, 2014. 154 с.
3. Сикевич З. В. Этнические парадоксы и культурные конфликты российского общества. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. 207 с.
4. Сикевич З. В. Историческое прошлое в социальных ожиданиях россиян // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2014. Вып. 2. С. 196–206.
5. Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М.: Наука, 1984. С. 173–179.
6. Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 90–115.
7. Рицер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 405 с.

References

1. Griffin L. Istoricheskaia sotsiologiia. Narrativ i sobytiino-strukturnyi analiz [Historical Sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [SOCIS (Sociological Studies)], 2010, no. 2, pp. 131–141. (In Russian)
2. Sikevich Z. *Etnicheskie paradoksy global'nogo obshchestva* [Ethnic paradoxes of global society]. Praha, O. Krylov Publ., 2014. 154 p. (In Russian)
3. Sikevich Z. *Etnicheskie paradoksy i kul'turnye konflikty rossiiskogo obshchestva* [Ethnic paradoxes and cultural conflicts of Russian society]. St. Petersburg, St.-Petersburg Univ. Press., 2012. 207 p.
4. Sikevich Z. Istoricheskoe proshloe v sotsial'nykh ozhidaniakh rossiian [Historical past in social expectations of Russians]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education*, 2014, issue 2, pp. 196–206. (In Russian)
5. Bloomer G. [Society as a symbolic interaction]. *Sovremennaia zarubezhnaia sotsial'naiia psikhologiia* [Modern foreign Social Psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 173–179. (In Russian)
6. Bloomer G. [Group behavior]. *Amerikanskaia sotsiologicheskaia mysl'* [American Sociological Thought]. Moscow, Publ. Moscow University, 1994, pp. 90–115. (In Russian)
7. Recer G. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii* [Modern Sociological Theories]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 405 p.

Статья поступила в редакцию 4 июня 2015 г.

Контактная информация

Сикевич Зинаида Васильевна — доктор социологических наук, профессор; sikevich@mail.ru

Sikevich Zinaida V. — Doctor of Sociology, Professor; sikevich@mail.ru